

Черных Александр Викторович

ВКЛАД А. Ф. ГИЛЬФЕРДИНГА В РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛАВИСТИКИ

В статье рассматривается значение основных работ А. Ф. Гильфердинга, посвященных прошлому южнобалтийских и западных славян, не совсем точно оценивающихся в историографии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/4-1/53.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. I. С. 190-192. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 930.1(09)

В статье рассматривается значение основных работ А. Ф. Гильфердинга, посвященных прошлому южнобалтийских и западных славян, не совсем точно оценивающихся в историографии.

Ключевые слова и фразы: славяноведение; южнобалтийские и западные славяне; славянофильство; мировоззрение; методология.

Александр Викторович Черных

Кафедра отечественной истории

Липецкий государственный педагогический университет

chernicha201986@mail.ru

ВКЛАД А. Ф. ГИЛЬФЕРДИНГА В РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛАВИСТИКИ[©]

В советской и современной науке имя Александра Федоровича Гильфердинга (1831-1872) в основном связывают с изучением отечественного фольклора. Вместе с тем комплекс его исторических работ до сих пор обстоятельно не проанализирован и по достоинству не оценен. Так, в историографии традиционно выделяются исследования А. Ф. Гильфердинга, посвященные южным славянам. При этом отмечается научная слабость сочинений по истории западных славян. Например, указывается, что «История балтийских славян» представляла собой лишь свод средневековых хроник, а Гильфердинг в силу славянофильской идеологии не смог «правильно понять факты общественной и политической жизни» прибалтийских славян. Из-за этого также невысоко оцениваются его публикации по истории Чехии [10, с. 485-486]. Но актуальность западнославянских исторических трудов А. Ф. Гильфердинга сохраняется до сих пор по причине развития отечественного славяноведения, усиления интереса к варяжскому вопросу, который ряд ученых связывает с южнобалтийскими славянами, и насущной необходимости справедливой переоценки наследия дореволюционных историков.

Александр Федорович получил прекрасное домашнее воспитание. Существенное влияние на становление его личности оказали прежде всего отец, Ф. И. Гильфердинг (1798-1864), а также литовско-польский ученый-славяновед и педагог И. И. Паплонский [1, с. 303]. В 1848 г. А. Ф. Гильфердинг поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Здесь он обучался славистике у одного из первых специалистов того времени в этой области в России - О. М. Бодянского. Но стоит сказать, что большое влияние на Гильфердинга оказал другой известный русский славяновед В. И. Григорович, благодаря которому у Александра Федоровича окончательно оформился профессиональный интерес к славянской филологии и истории.

В силу славянофильских симпатий отца Гильфердинг примкнул к славянофилам. Главные положения славянофильской доктрины, выделявшие особый исторический путь России, основанный на православии и общинной организации, довольно сильно отразились в его творчестве. В историографии принято говорить об основополагающем влиянии учения Г. В. Ф. Гегеля на исследовательскую методологию Гильфердинга [8, с. 261]. Но это недостаточно полное объяснение, т.к. существенную роль в формировании мировоззрения Александра Федоровича оказали труды немецкого философа И. Г. Гердера. Так, Гердер утверждал, что славянский «национальный характер», в отличие от германского, никогда не был воинственным, а славяне не являлись предприимчивым и удалым народом [13, с. 12-17]. Опираясь на это мнение, Гильфердинг разработал оригинальную концепцию славянского «национального характера», согласно которой славянской цивилизации свойственны православие, демократизм, «природная кротость», тогда как немецкому миру характерны католицизм, аристократия и агрессивность.

Довольно рано Александр Федорович Гильфердинг занялся серьезным изучением прошлого славян. Сразу же после окончания университета (1852), в 1854-1855 гг. увидело свет его «Исследование о балтийских славянах», впоследствии несколько раз переиздававшееся. Ученый затрагивал важнейшие проблемы общественного устройства и быта, особенности «национального характера» и религии южнобалтийских славян. В 1862 г. А. Ф. Гильфердинг опубликовал монографию «Борьба славян с немцами на Балтийском Поморье в средние века», посвященную проблеме завоевания славян Южной Балтики немецкими феодалами и анализу причин их гибели. Третья неоконченная часть истории балтийских славян представляла собой несколько исторических очерков, охватывающих период правления королей Саксонской династии до смерти императора Генриха III [6, с. 5-160, 247-314, 345-462].

Российская общественность неоднозначно отнеслась к историческим сочинениям ученого, посвященным полабо-балтийским славянам. В 1854 г. Н. Г. Чернышевский прямо называл эти исследования только «сводом разысканий» других славянских историков. Вместе с тем во многом благодаря работам по истории славян Южной Балтики Гильфердинг в 1856 г. становится член-корреспондентом Российской Академии наук. А несколько позднее в 1862 г. «Борьба славян с немцами на Балтийском Поморье в средние века» удостоилась престижной в научном мире премии графа А. С. Уварова [9, с. 111-112; 13, с. 36-42]. Невысокая оценка исторических работ Гильфердинга, касающихся южнобалтийских славян, не изменилась и в XX в. Сегодня ведущий специалист в области славянской историографии Л. П. Лаптева отмечает общую научную слабость

этих монографий [8, с. 264-265]. Данный вывод, как представляется, мало соответствует действительности. Даже с учетом уровня развития исторической науки середины XIX в., это лучшие сочинения на сегодняшний день по данной теме в отечественной и зарубежной славистике. Если историей большинства славянских народов со второй трети XIX в. будут заниматься представители нарождавшихся национальных историографий, то аналогичный процесс просто не мог наблюдаться у славян южного берега Балтики в силу их полного уничтожения и онемечения.

До середины XIX в. проблемы прошлого южнобалтийских славян, за исключением М. В. Ломоносова, Н. М. Карамзина, М. И. Касторского, И. И. Срезневского, Т. Н. Грановского, Ю. И. Венелина, работы лужичанина К. Ф. Антона, перевода отдельных трудов П. Й. Шафарика, преимущественно разрабатывались только немецкими историками (Ф. В. Бартольд, Л. Гизебрехт, Г. Х. Лиш, Г. Вайц). Гильфердингу приходилось во многом заново переписывать историю славян Южной Балтики, ломая привычные стереотипы, давно вошедшие в историческую науку с легкой руки германских специалистов. Исследователь успешно разрушил множество мифов немецкой историографии. Он впервые сумел доказать, что славяне являлись многочисленным и коренным населением территории между Одером и Эльбой, а не незначительным по численности высшим сословием, как утверждали немецкие историки. Труды А. Ф. Гильфердинга оказали существенное влияние на формирование устойчивого интереса к южнобалтийским славянам в дореволюционной славистике (А. И. Павинский, Ф. Я. Фортинский, А. А. Котляревский, И. А. Лебедев, И. И. Первольф, А. С. Фаминцын, М. В. Бречкевич, Д. Н. Егоров, П. А. Яковенко, М. К. Любавский), а также варяжской проблеме (С. А. Геденон).

Монографии ученого сохраняют свою актуальность еще потому, что в советской и современной российской исторической науке не уделялось должного внимания истории южнобалтийских славян. Многие оригинальные тезисы и предположения, высказанные им, касающиеся особенностей внутренней структуры славянского жупного управления, арконского и радигошского религиозного союзов, восточной внешней политики династий Каролингов и Оттонов не нашли распространения в работах российских историков. Все это было обусловлено фактическим уничтожением славяноведения в 20-30-х гг. прошлого века и, как сегодня констатирует В. В. Фомин, господством в отечественной науке норманской теории, т.к. только небольшая часть исследователей «говорила о славянах Южной Балтики, из числа которых вышли варяги и варяжская русь» [2, с. 284].

В 1862 г. увидел свет «Очерк по истории Чехии» Гильфердинга. По мнению исследователя, все историческое существование Чехии определялось постепенным подчинением «западноевропейской жизни», выражавшимся в формировании привнесенного извне феодализма. Этот многовековой процесс был ненадолго прерван гуситским движением - «народной идеей», связанной с первоначальным христианством, т.е. деятельностью Кирилла и Мефодия в Чехии. Согласно историку, учение Гуса принципиально отличалось от протестантизма тем, что оно не ограничивалось религиозной областью, а было направлено на сохранение чешской государственной самостоятельности и всех особенностей первоначального славянского народного развития [5, с. 347-412]. В исследовании «Гус. Его отношение к православной церкви» (1870) А. Ф. Гильфердинг рассматривал гусизм в качестве стремления к «восстановлению» православия. Свои построения он подтверждал следующими факторами: сохранение у чехов православных обрядов, церковных кириллических текстов, восстановление славянского богослужения Карлом IV, симпатии к православной церкви Иеронима Пражского и сношения гуситов с Константинопольской церковью [4, с. 12-37].

Вышеозначенные идеи не получили распространения в отечественной науке. Подобная трактовка гусизма основательно критиковалась в работах дореволюционного историка литературы С. А. Венгерова. В 1941 г. В. И. Пичета подчеркивал, что Гильфердинг «бездоказательно» отмечал сочувственное отношение Гуса к православной церкви. Л. П. Лаптева не считает религиозные противоречия важными факторами гуситского движения. В конце XX в. Г. П. Мельников, не отрицая «очевидного интереса» гуситов к православия, указывал на прямую связь гуситской идеологии с западным латинским христианством [3, с. 180-207; 8, с. 266-267; 11, с. 43; 14, с. 77-113].

Важно подчеркнуть, что вне поля зрения большинства исследователей, за исключением А. Г. Кузьмина, указывающего на чешский Сазавский монастырь как центр славянского богослужения [7, с. 188], оказались православные традиции, заложенные еще миссионерской деятельностью Кирилла и Мефодия. В силу географической близости Запада, мощного влияния западной цивилизации и католической религии они были практически полностью «вытравлены». Но в то же время отголоски православной религии сохранились в Чехии. По причине этого обстоятельства нельзя не согласиться с А. Ф. Гильфердингом. Надлежит добавить, что средневековая история Европы знала большое количество примеров значительных конфликтов, где основополагающими факторами выступали именно религиозные противоречия.

Комплекс работ Александра Федоровича Гильфердинга по истории западных славян позволяет с иных, принципиально новых, позиций взглянуть на проблемы прошлого южнобалтийских славян и средневековой Чехии, способствуя развитию славяноведения.

Список литературы

1. Бестужев-Рюмин К. Н. Биографии и характеристики: летописцы России. М.: Век, 1997. 318 с.
2. В поисках нового: Европа и Россия в современной отечественной историографии (к 75-летию проф. Е. В. Кузнецова). Арзамас, 2007. 367 с.
3. Венгеров С. А. Причины гуситско-таборитского движения // Русская мысль (РМ). М., 1881. Кн. 12.
4. Гильфердинг А. Ф. Гус: его отношение к православной церкви. СПб., 1871. 79 с.

5. Гильфердинг А. Ф. Собрание сочинений. СПб., 1868. Т. I. 440 с.
6. Гильфердинг А. Ф. Собрание сочинений. СПб., 1874. Т. IV. 462 с.
7. Кузьмин А. Г. Падение Перуна: становление христианства на Руси. М.: Мол. гвардия, 1988. 240 с.
8. Лаптева Л. П. История славяноведения в России в XIX веке. М.: Индрик, 2005. 846 с.
9. Отчет о пятом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1862. 42 с.
10. Очерки истории исторической науки в СССР. М.: Наука, 1960. Т. II. 608 с.
11. Пичета В. И. К истории славяноведения в СССР // Историк-марксист (ИМ). М., 1941. № 3.
12. Собестнианский И. М. Учение о национальных особенностях характера и юридического быта древних славян. Харьков, 1892. 336 с.
13. Чернышевский Н. Г. Исследования о балтийских славянах г. Гильфердинга // Отечественные записки (ОЗ). СПб., 1854. Т. XCV. № 8.
14. Этническое самосознание славян в XV столетии. М.: Наука, 1995. 240 с.

A. F. HILFERDING'S CONTRIBUTION TO NATIVE SLAVONIC STUDIES DEVELOPMENT

Aleksandr Viktorovich Chernykh
Department of Native History
Lipetsk State Pedagogical University
chernicha201986@mail.ru

The article considers the importance of A. F. Hilferding's basic works devoted to the past of South-Baltic and Western Slavs which are not properly estimated in historiography.

Key words and phrases: Slavonic studies; South-Baltic and Western Slavs; Slavophilism; world outlook; methodology.

УДК 94(57)066/073

Статья посвящена анализу процессов становления внутренних торговых связей в Байкальской Сибири XVIII - первой половины XIX вв. В ней приводятся данные о развитии основных форм торговли, в первую очередь ярмарочной, расширении региональных связей и постепенном росте лавочно-магазинной торговли. Особое внимание уделено влиянию торговых отношений на формирование в регионе рыночной инфраструктуры, проявляющейся в создании деловых кварталов и торговых площадей в городах региона.

Ключевые слова и фразы: Байкальская Сибирь; торговля; ярмарки; гостиный двор; торговые площади; купцы.

Вадим Петрович Шахеров

Кафедра истории России
Иркутский государственный университет
wodalish@yandex.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ТОРГОВОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ. ©

В экономической жизни дореформенной Байкальской Сибири особую роль играли торговые отношения. По мере развития промысловой колонизации, роста городских поселений и вообще российского населения шел процесс формирования региональных торговых связей. Пушные ресурсы Сибири и торговля «мягким золотом» постепенно включали ее в общероссийский товароборот, делая неотъемлемой частью страны. Развитию торговли содействовали также значительные природные различия сибирских территорий, неодинаковая степень их освоения, переселенческое движение из-за Урала, наличие самобытного хозяйственного потенциала аборигенного населения, близость к границам Средней Азии, Монголии и Китая.

Важнейшим торговым и товарораспределительным центром Байкальской Сибири был Иркутск, через который осуществлялась вся торговля с Забайкальем и Приамурьем, а через Лену - со всем северо-востоком. Сердцевиной торговой жизни города являлся гостиный двор с одиннадцатью лавками, но они не справлялись с объемом торговых операций. Уже в 1681 г. приезжавшие в Иркутск приказчики гостей Е. Филатьева, С. Лузина, И. Ушакова и другие торговцы просили расширить торговые помещения на местном гостином дворе и построить новые лавки, погреба, а также избы для жилья. Главную роль в развитии торговли играли в этот период иногородние купцы. Через них и их приказчиков Иркутск поддерживал связи с большим числом торговых центров страны, прежде всего Устюгом, Яренском, Сольвычегодском, Тобольском, Енисейском.

До середины XVIII в. в Сибири преобладала караванно-развозная торговля. Съезды торговых людей происходили почти каждый месяц, но наиболее крупных размеров они достигали осенью, когда через Иркутск транзитом шли купеческие обозы в Кяхту. Отвечая на анкету «Комиссии о коммерции», руководство иркутской земской избы отмечало: «Ярмарки в г. Иркутске во весь год от приезжающих разных городов и в